
Что сменит улетучившуюся «Трампа-эйфорию»? СЕГОДНЯШНИЕ РОССИЙСКИЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 506
Февраль 2018 г.

Аркадий Мошес¹
Финский Институт международных отношений

Годовщина начала президентского срока Дональда Трампа – хороший повод для того, чтобы подробнее оценить взгляды российского внешнеполитического мейнстрима. Если говорить коротко, его представители крайне скептически смотрят на ближайшее будущее отношений между Россией и Западом, оптимистичны, несмотря на все препятствия, в том, что касается российского разворота к Азии, и не удовлетворены процессами реинтеграции пост-советского пространства вокруг России. Демонстрируя значительный реализм, участники дискуссии идентифицируют факторы, ограничивающие свободу российских действий во внешней политике, к которым прежде всего относится слабость российской экономики. Однако администрация Владимира Путина, как представляется, выбрала для себя практически бескомпромиссную линию, и абсолютно неизвестно, в каких пределах мнения российских ведущих аналитиков разделяются в высшем эшелоне принятия решений. Известно лишь то, что перспективы урегулировать конфликт между Россией и Западом на российских условиях более не существует. И после периода возвышенных настроений российские внешнеполитические эксперты вновь оказываются перед конструкторской доской. Во многом именно здесь прорабатываются политические контуры следующего президентского срока Путина.

Новый президент США, новая надежда

Избрание Дональда Трампа президентом США повысило уровень внешнеполитической уверенности Москвы. Видный российский политический наблюдатель, ныне декан факультета мировой экономики и международных отношений Московской Высшей школы экономики Сергей Караганов в январе 2017 г. [пришел к выводу](#), что Россия «выстояла» и

¹ Аркадий Мошес – директор исследовательской программы по Восточному Соседству ЕС и по России Финского Института международных отношений

«побеждает практически по всем направлениям, качественно укрепляя международные позиции». Результат принесли «воля, объединение большинства народа и элиты, способность к стратегическому предвидению и умелая дипломатия». Согласно Караганову, силы, которые стремились добиться поражения России, разрушить ее экономику и сменить режим, повсеместно отступали; глобалистская и «идеологизированная» элита потеряла власть в США, а ее «европейские ответвления» проигрывали в «одной за другой европейских странах».

В России, как и в некоторых кругах Европы, быстро возникли ожидания относительно договоренности, каковая могла бы быть заключена между Москвой и Вашингтоном. Предполагалось, что «украинская страница» будет перевернута. Западные санкции смягчат, и отношения между Россией и Западом нормализуются.

В реальности эти ожидания оказались иллюзией. Уже в первые месяцы после инаугурации Трампа стало ясно, что позиции Вашингтона по Украине не становятся сколько-нибудь более компромиссными, чем в период администрации Обамы. Американский ракетный удар по сирийским правительственным войскам в апреле 2017 г. показал, что новая администрация США не намерена вести с Москвой переговоры касательно собственной политики и поведения на Ближнем Востоке. За рамки приличий вышло то обстоятельство, что понадобились полгода с момента вступления Трампа в должность, прежде чем на полях саммита «двадцатки» (G20) в Гамбурге состоялась его первая встреча с Путиным. Сама встреча (что бы на ней не обсуждалось) быстро оказалась в тени новых санкций, наложенных американским конгрессом на Россию, а также скандальной ситуации вокруг требования России сократить штат посольства США и последовавшего за этим взаимного закрытия дипломатических объектов. Хотя различные российские официальные представители последовательно возлагают вину за кризис в двусторонних отношениях на администрацию Обаму и/или внутренних противников Трампа (таким образом оставляя возможность для нормализации открытой для американского президента лично), а сам Путин [публично отрицает](#), что Трамп стал для него разочарованием, не вызывает никаких сомнений то, что год назад Москва рассчитывала на гораздо более благоприятный исход. Дополнительно, победа на выборах Эммануэля Макрона во Франции и Ангелы Меркель в Германии сигнализировали о продолжении, а не смене европейского курса по отношению к России.

«Западный фронт»: фронт навсегда?

В России сложился консенсус, что потенциал для создания всеобъемлющего партнерства с Западом на сегодняшний момент полностью исчерпан, если он вообще когда-либо существовал. Россия утверждает, что виной тому попытки США установить глобальную гегемонию (с суб-моделью в Европе с центром в Брюсселе), одновременно отрицая любую привилегированную роль России в создании правил ориентированной на Запад международной игры.

Такая логика рассуждений была известна и раньше. Оценка, согласно которой Запад «доктринально» рассматривает Россию в качестве основного вызова своей безопасности и первоочередного источника проблем, присутствовала в российском аналитическом дискурсе в течение определенного времени. Новым является утверждение, что российский фактор будет использоваться Западом для разрешения собственного «внутреннего кризиса». Федор Лукьянов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», и Алексей Миллер, профессор Европейского Университета в Санкт-Петербурге, хорошо известные авторы ряда больших докладов по вопросам российско-западных отношений, [сформулировали](#) эту точку зрения достаточно четко, заявив, что «внутренней консолидации на скорректированных основах полезно наличие внешнего врага, и пока эта роль однозначно делегирована России». Далее авторы говорят, что «демонизация Путина и России в целом уже в сравнительно небольшой степени зависит от конкретных разногласий в сфере международных отношений. Они превратились в идеологический фактор внутривластной борьбы» на Западе.

Соответственно, исходя из восприятия Запада как незаинтересованного в партнерстве с Россией, российские аналитики ожидают, что Запад продолжит оказывать на нее давление. Ответ оказывается достаточно прямолинейным. Как [отмечает](#) Дмитрий Тренин из Московского Центра Карнеги, «у Кремля нет намерений делать шаги назад или примиряться с Западом путем уступок или обещаний вести себя лучше». На практике, это в первую очередь предполагает, что крымская тема не должна даже подниматься; это означает, что конфликт в Донбассе следует решать на условиях гарантий долгосрочного российского контроля над внешней политикой Украины (или замораживания нынешней ситуации); украинский вопрос в целом не должен становиться главным камнем преткновения между Россией и Западом; расширение ЕС и НАТО должно быть исключено.

В изученных материалах нет постановки вопроса о том, способна ли Россия выдержать западное давление, с которым она сталкивается в *настоящий момент*. Ее ресурсы открыто или по умолчанию рассматриваются как достаточные для этого. Однако признается, что в долгосрочной перспективе противостояние с Западом серьезно и негативно сказалась бы на будущем России. Более того, торговля с Европой и культурная близость с ней будут по-прежнему крайне важны для России. Предпочтительным исходом поэтому были бы транзакционные отношения, включающие в себя сотрудничество по конкретным направлениям, как, например, Арктика, Ближний Восток, борьба с терроризмом, энергетика, а также укрепление стабильности в Евразии. И все же для движения к сотрудничеству Россия ожидает западного признания в качестве глобального игрока с определенными эксклюзивными прерогативами.

В нынешних, взаимно-недружественных обстоятельствах, позитивом считается уже то, что Россия и Запад не дают болезненным вопросам выйти из-под контроля и не вступают в открытую конфронтацию. В то же время очевидно, что для российского внешнеполитического мейнстрима цель общего сближения России с Западом или ее интеграции с Европой в настоящий момент безвозвратно снята с повестки дня. Одним из последствий этого становится то, что звучащие в Европе заявления типа «нам нужна Россия» не встретят сегодня зеркального ответа со стороны Москвы.

Большая Евразия: все ли настолько радужно?

Логика осуществляемого Россией «разворота к Азии» не нова. В 2011 г., в период избирательной кампании Путин призывал российских политиков к тому, чтобы поймать «китайский ветер» в «паруса» российской экономики. В 2012 г. Россия принимала саммит АТЭС во Владивостоке. Российско-китайское сближение началось задолго до этого и ускорилось в результате кризиса вокруг Украины. Но сегодня азиатская мечта становится более амбициозной, помещая Россию в центр Большой Евразии в качестве ключевого игрока на пространстве между Токио или Шанхаем и Лиссабоном. План включает в себя эффективно работающие взаимоотношения между Москвой и Пекином, где России не пришлось бы быть младшим партнером. Предполагается не только успешная состыковка российских и китайских инициатив, как Пояс и Путь (ПП) и ведомый Россией Евразийский Экономический Союз (ЕАЭС), не просто статус территории, связывающей Азию и Европу, но ключевые позиции России на континенте в целом. В соответствии с данным подходом, Москва должна быть в состоянии играть роль в смягчении противоречий между Китаем и Индией, Индией и Пакистаном, Пакистаном и Афганистаном. В то же время следует добиться прорыва в отношениях с Японией и Южной Кореей и укрепления экономического сотрудничества со странами АСЕАН.

При этом российские эксперты вполне реалистично обсуждают препятствия на пути переориентации страны на Азию. Тренин [пишет](#), что «в силу множества причин Китай не заинтересован в тесном союзе с Россией, даже если он бы доминировал в таком союзе». Во-первых, извлекая пользу из нынешнего состояния отношений и получая от Москвы то, в чем он нуждается в области энергетики и военного сотрудничества, Пекин, как отмечает Тренин, не заинтересован в том, чтобы Россия обладала статусом великой державы. Во-вторых, присутствует понимание, что Китай не займет сторону России в конфликте с Вашингтоном. Лукьянов и Миллер [признают](#), что «КНР не пойдет ни на какие риски в отношениях с США, связанные с российско-американскими трениями, и не будет поддерживать действия России по оказанию давления на Америку». В-третьих, в том, что касается экономики, российские эксперты констатируют, что Пекин ведет себя достаточно осторожно в вопросах дальнейшего взаимодействия с Россией. [«Низко висящие фрукты»](#) политически мотивированного сближения были уже собраны, и России, которая сталкивается с глобальной конкуренцией за китайские инвестиции, не стоит ждать «легких» китайских денег. Поиск проектов для той самой состыковки между ПП и ЕАЭС с учетом этих обстоятельств может оказаться делом весьма проблематичным. И невозможно отрицать, что российская экономика вряд ли предоставляет собой солидное основание для того, чтобы взять на себя ключевую роль в столь обширном регионе, в особенности в контексте продолжающегося экономического и технологического развития самой Азии.

Пост-советское пространство: больше не основной приоритет?

Анализ пост-советского пространства представляет собой область, где экспертные мнения открыто расходятся с официальной позицией. В то время, как официальные лица полны надежд и планов касательно процесса реинтеграции с центром в России, аналитики

полагают перспективы в этом плане утраченными и считают важными лишь отдельные двусторонние отношения. Более того, [совместный доклад](#) Российского Совета по Международным Делах и московского Центра Стратегических Разработок открыто предлагает оставить в прошлом закрытую пост-советскую парадигму и получить динамику за счет сотрудничества с внерегиональными партнерами. Идея «открыть» пост-советское пространство потенциально способна стать новым элементом в российском внешнеполитическом мышлении. Хотя прежде всего это означало бы простое признание существующих реалий (все пост-советские страны давно пытаются балансировать и страховать от российского доминирования), принятие данного подхода бросало бы вызов взглядам об эксклюзивном влиянии или сферах привилегированных интересов.

Суммируя, эксперты идентифицируют три основных момента. Во-первых - и здесь Украина волей-неволей возвращает себе центральное положение, присутствует четкое понимание, что в обозримом будущем Россия не будет иметь партнерских отношений с Украиной. А без перспективы хоть какой-либо интеграции с Украиной большинство проектов на пост-советском пространстве не имеют критической массы и способны принести лишь незначительный экономический эффект. Во-вторых, признается, что ЕАЭС не может стать инструментом политической реинтеграции и что заложенные в нем наднациональные механизмы управления имеют ограниченное воздействие. Частично это является результатом роста опасений со стороны партнеров России вследствие кризиса вокруг Украины. Но следовало бы отметить, что решимость защитить национальный суверенитет была заметна в поведении соответствующих государств и до 2014 г. В-третьих, необходимости выйти за рамки эксклюзивных пост-советских форматов логично вытекает из решения гармонизировать региональную политику с Китаем, что, в свою очередь, следует из понимания того, что Россия попросту не в состоянии сопротивляться или даже замедлить китайское проникновение в Среднюю Азию.

Заключение

Идущая в российском внешнеполитическом экспертном сообществе дискуссия представляет собой серьезную попытку разобраться в том, что произошло в отношениях между Россией и внешним миром в последние годы. Многие сделанные выводы являются вполне трезвыми. Можно обсуждать, насколько реалистичны и обеспечены ресурсами выдвигаемые цели, но так или иначе миру предлагается консолидированная точка зрения, состоящая в бескомпромиссном, хотя и в целом неконфронтационном подходе к отношениям с Западом и дальнейшем открытии себя Азии. Проблема состоит в том, что эта точка зрения совсем необязательно станет концептуальной основой российской государственной политики. Путин вполне может продолжить видеть себя комендантом осажденной крепости, что хорошо служило ему во внутренней политике. Трудно остановить приобретенные размах милитаризацию и «секьюритизацию» российской экономической политики, а инерция предыдущих подходов к пост-советскому пространству особенно сильна. Если исходить из этого, у Запада не должно быть излишних надежд на то, что следующий президентский срок приведет к облегчению

сотрудничества с Россией. Эйфория по поводу быстрой нормализации российско-западных отношений на российских условиях могла испариться, но Кремль продолжает игру с нулевой суммой и не упустит возможности использовать слабости Запада в своих интересах.

**Elliott School of
International Affairs**

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2016. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org